

Барнаулский государственный педагогический университет

Проблемы психологической адаптации учащихся на различных этапах образовательного процесса

Материалы региональной научно-практической конференции
г. Барнаул 21 мая
2004 г.

Барнаул 2004

Содержание

Аношкин И.В. Особенности проявления темперамента у подростков, воспитывающихся в детском доме.....	3
Ваулина Т.А. Проблемы психологической адаптации учащихся в контексте смены профессионально- психологического мышления	15
Воронова Р.А., Секриер С.А. Психология консультативного и терапевтического процессов.....	24
Гурьянова Т.А. Влияние опыта взаимоотношений с матерью на формирование психологической готовности к материнству.....	29
Ефанова М.И. Развитие идей О.К. Тихомирова в современных исследованиях	38
Железнякова Н.А. Социально-психологическая адаптация учащихся старших классов ЧОУ «Школа Евстафьева»	46
Кригер Е.Э. Использование гештальт подхода к проблеме адаптации студентов первого курса педагогического университета	57
Мазурова Е.В. Организация процесса адаптации детей «группы риска» (первый класс)	62
Прохоров С.А. Изменение пространственных составляющих многомерного мира человека в процессе адаптации.....	64
Некрасова Е.В. Пространственно – временная организация жизненного мира человека и транспективный подход к его исследованию	72
Обласова О.В. Проблема адаптации детей к школьному обучению	79
Очкасова О.А. Профессиональный подход педагогов к решению вопроса преемственности дошкольного и школьного образования	81
Свиридов А.Н. Проблема преемственности в психологии и социальной педагогике: общее и особенное	91

**Изменение пространственных составляющих многомерного мира
человека в процессе адаптации**

В психологии, руководствующейся классическим образом рациональности, адаптация традиционно считалась процессом приспособления организма к окружающей среде. Это положение нашло свое отражение в представлениях о психике как феномене, основная функция которого состояла в преодолении противоречия между скоростью протекания изменений во внешней среде и темпами морфологических трансформаций, соответствующих этим изменениям в развитии организма. Представления о повышении потенциала приспособляемости как цели психического развития достаточно широко распространены и в современной психологии. В таком контексте освоение пространства, как в филогенезе, так и в онтогенезе - одна из основных задач психической регуляции поведения. Попытки рассмотрения того, каким образом происходит развитие приспособительных механизмов психики, основанных на овладении пространством в психологии предпринимались в течении длительного времени. Наиболее известной в этом отношении является идея Ж. Пиаже о том, что освоение пространства в процессе сенсомоторной адаптации является основанием для становления такого новообразования, которое в психологии чаще всего обозначается понятием «интеллект» [7].

Выход психологии за пределы классической науки характеризовался изменением представлений о пространстве уже не с точки зрения освоения интеллектуальных действий и операций, а как основания "образа мира" человека, где такие измерения как смысл представлялись в качестве "квазиизмерений" (А.Н. Леонтьев), соотносимых с "истинными" - данными в терминах евклидовой модели, пространственными измерениями.

Современное состояние науки можно охарактеризовать как постепенный ее переход к идеалам постнеклассической рациональности (В.С. Степин, М.С. Гусельцева, П.А. Мясоед, А.Г. Асмолов, В.Е. Ключко и т.д.), в связи с чем проблема пространства вновь становится актуальной, но уже позиций понимания человека как открытой системы, самоорганизации которой обеспечивается становлением "жизненного пространства (К. Левин), "жизненного мира" (Ф.Е. Василюк), "конструированием миров" (Л.Г. Лсмолов, В.В. Рубцов), многомерных пространств человека, как основания для его многомерного бытия (В.П. Зинченко).

Таким образом, обнаруживается изменение психологического контекста, в котором понятие "пространство" изменяет свой статус. Соответственно изменяется и

представление об адаптации в этом пространстве. Парадигмальный сдвиг, в данном случае, проходит по линии, берущей начало в классической парадигме, понимающей психику как отражение объективной реальности, к парадигме понимания психики как условия "порождения попой реальности" (О.К.Тихомиров, 1992). Новые парадигмальные установки нашли свое воплощение в концепции теории психологических систем, к которой активно разрабатывается понятие "многомерный мир человека" (В.К. Ключко, О.М. Краснорядцева, Э.В. Галажинский). Повышение уровня обобщений понятий, связанных с такими измерениями, которые называются смысловыми и ценностными и надстраиваются над пространственными и временными, задает требование их переосмысления как особой отологии и вызывает переосмысление адаптации как процесса опосредованного культурным развитием человека. В связи с вышеизложенным можно констатировать очевидную связь между развитием понятия адаптация и тем проблемным полем, которое традиционно обозначалось как проблема пространства, пространственное восприятие, пространственное мышление и пространственные представления.

В научной психологии постановка проблемы пространства начиналась в области, которая может считаться одной из наиболее последовательно разрабатываемых в психологии с конца XIX века как европейскими, так и российскими психологами - психология восприятия. Наиболее значительными работами здесь являются труд К. Штумпфа "О психологическом происхождении пространственных представлений" (1873) и работа Г.И. Челпанова "Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности", опубликованной в качестве первой части его докторской диссертации.

Главным для Г.И. Черепанова было показать, существование объективной и субъективной форм понятия «пространство», за которой стоит процесс познания, осуществление отражения. Психологическая проблема пространственного восприятия (проблема генезиса субъективного образа пространства), была для Г.И. Челпанова гносеологической проблемой пространства (исследование объективности этого понятия), и решение каждой из них должно осуществляться адекватными им средствами. Психологический вывод исследований Г.И. Челпанова состоял в следующем: психологическая сущность пространственной проблемы — это вопрос о происхождении субъективного образа объективного пространства. Психология, по его мнению, должна выяснить условия и закономерности этого процесса, выработав для этого собственные средства теоретизирования.

Рассматривая условия определения понятия пространства как априорного, Г.И. Челпанов указывает на признаки, которыми характеризуется пространство. Самым характерным для пространства он считает свойство «внеположности», понимая под ним то, что «пространство представляется для нас состоящим из отдельных элементов, из которых каждый находится вне другого и в то же время одновременно с другими. Речь в данном случае идет лишь о психологической априорности. Внеположность является результатом синтетической деятельности, присущей сознанию человека. Пространство является также априорным и в специально гносеологическом смысле, так как оно привносится в наше познание внешнего мира в качестве предпосылки, или логического предположения восприятия.

Еще одно свойство пространство — непрерывность. Следующее свойство — однородность, «свойство, в силу которого мы считаем его состоящим из таких частей, из которых одна по своим свойствам совершенно тождественна с другой» [8, С. 232]. Есть и еще одно свойство пространства, с которым должна считаться эмпирическая теория — бесконечность пространства.

От рассмотрения пространства «вообще» Г.И. Челпанов предлагает перейти к рассмотрению геометрических определений пространственных элементов: прямой линии, точки и т.д. [8, С. 233]. Рассмотрение, однако, начинается с прямой, обнаруживая необходимость соблюдения определенных условий для того, чтобы было достигнуто установление отношений между двумя точками. Эти условия в качестве признаков приписываются прямой линии. Далее Г.И. Челпанов переходит к пространственному анализу точки: «Что такое точка, по определению геометрии? Это есть нечто, не имеющее ни толщины, ни ширины, ни протяженности вообще» [152, С. 237]. Такое определение, по мнению Г.И. Челпанова, приводит мысль к затруднению. Точка без протяженности есть постулат, требование. Невыполнение этого требования приводит к невозможности математического мышления. Выдвижение такого постулата отвлекает не от физических свойств, а от деятельности локализации: «Понятие точки, следовательно, не дает нам права сказать, что оно есть продукт физической абстракции... Оно есть абстракция из нашей локализирующей деятельности и как таковая является результатом наблюдения над процессами сознания» [152, С. 238].

Именно там, где Г.И. Челпанов завершает анализ пространства, переходя к общим выводам, начинает свои рассуждения известный теоретик искусства, один из основателей абстракционизма В.В. Кандинский: «Геометрическая точка -

невидимое существо... в материальном смысле она равна нулю». Беря точку за основание своей работы «Точка и линия на плоскости» В.В. Кандинский в исходном понятии пространства, в точке, видит огромный потенциал: «...в этом нуле скрыты разнообразные «человеческие» свойства».

Начав с того места, где заканчивает Г.И. Челпанов, В.В. Кандинский не просто использует обратный, по сравнению с ним, ход анализа, беря в основании рассмотрения элементов пространства те же подходы, он обращает линию мысленного реконструирования пространства в спираль, закручивая её приемом, который по отношению к теме пространства использует и в других работах. Вот как это сделано в «Аналитическом рисунке» – «...точно видеть и точно изображать не только внешний вид предмета, но и конструктивные элементы, их закономерные силы = напряжения, которые можно обнаружить в данном предмете... точной передаче взаимосвязей, при этом поверхностный внешний вид предмета есть входная ступень в пространственное». В любом элементе В.В. Кандинский находит напряжение, реализация которого художником и приводит к переводу его в новое состояние. Поэтому В.В. Кандинский редко говорит о пространстве непосредственно, но оно всегда потенциально скрыто в его построениях. Об этом можно судить даже по нарастанию напряжения, когда речь должна зайти о пространстве. Взять хотя бы название работы: «Точка и линия на плоскости» — формально оно не отражает реального содержания, это следует из оглавления, где разделы идут в следующем порядке: Точка; Линия; Основная плоскость. Плоскость есть еще один шаг к пространству, который делает совершенно явным вектор движения мысли автора. Очевидным становится следующий шаг пространство. И его В.В. Кандинский делает, на этот раз не заявляя и в оглавлении; «Даже простое сочетание линий, в конце концов, можно рассматривать двояко - или как одно целое с основной плоскостью, или как свободно расположенное в пространстве. Впивающаяся в плоскость точка также в состоянии освободиться от нее и «парить» в пространстве» [3, С. 218].

И уже за пределами законченной работы, в сносках и комментариях мы находим заключительный шаг. Его запредельность подчеркивается характером абзаца, который закрывает повествование, и тем самым приобретает экзистенциальное значение. Здесь речь идет о том, что преобразование материальной плоскости имеет важное последствие: изменение в ощущении времени: «пространство ассоциируется с глубиной, а также с уходящими в глубину элементами. Не случайно я обозначил пространство, возникающее при дематериализации, как пространство «недифференцируемое» - его глубина в

конечном счете иллюзорна и поэтому неизмерима... с другой стороны, иллюзорная глубина с живописной точки зрения является реальной и вследствие этого потребует определенного, правда, времени, чтобы следовать за уходящими в глубину элементами формы» [3, С. 252]. И самый важный вывод: «преобразование материальной основной плоскости в недифференцируемое пространство увеличивает возможность измерения времени». Здесь В.В. Кандинский показывает возможность существования времени в живописном полотне, опровергая широко распространенный и в наши времена тезис о том, что время чуждо живописи: «живопись не может изобразить самый поток времени, она превращает действие в состояние, длительную, застывшую ситуацию» [2].

Таким образом, В.В. Кандинский выводит все необходимое для того, чтобы иметь право говорить о возможностях живописи, которая есть «...грохочущее столкновение различных миров, призванных путем борьбы и среди этой борьбы миров между собою создать новый мир, который зовется произведением... Создание произведения есть мироздание...» [4, С. 285].

Мы видим, таким образом, что тема пространства является междисциплинарной, и может рассматриваться различными науками: геометрией, философией, психологией.

"Традиционные" концепции восприятия исходят из того, что основная характеристика пространства, глубина, не видима. Мерло-Понти называл глубину наиболее "экзистенциальным" из всех пространственных измерений, поскольку она свойственна перспективе, но не вещам, а объект не является источником перспективы. "Глубина, открывающая вещи, указывает на нерасторжимую связь между ними и моей самостью, тогда как ширина способна передавать связь между самими вещами, в которую воспринимающий субъект не вовлечен" [6, С.42]. По его мнению, заново открывая условия видения еще не объективированной глубины, мы имеем возможность вновь вернуться к рассмотрению традиционных альтернатив и полу-чип, выводы о взаимосвязи субъекта и объекта.

Иллюзии, относящиеся к глубине, принципиально заставляют нас осознавать ее как структуру понимания. Они возникают, когда глаза находятся в определенной степени конвергенции, как в стереоскопе, или когда субъект рассматривает рисунок, имеющий перспективу. Известно, что несовпадение размеров образов на сетчатке, стимулирующее конвергенцию, не существует само по себе, оно существует только для субъекта, который, стремясь к синергии, пытается объединить монокулярные феномены, сходные по структуре. Единство бинокулярного видения вместе с восприятием глубины, без которой оно не может осуществиться, возникает, следовательно, с того самого момента, когда монокулярные образы представляются

"несопоставимыми".

Необходимо отметить также часто встречающееся отождествление трехмерного евклидова пространства с визуальным. Но евклидово пространство отнюдь не является естественным пространством зрения, оно есть пространство определенным образом "воспитанного" глаза [5, С. 78]. Тем не менее, как культурный конструкт трехмерное пространство опирается прежде всего на рационально истолкованный опыт зрения. Собственно, именно по мере культурной мобилизации опыта зрения для конструирования пространства и происходит, по-видимому, утверждение монопольного положения декартовых координат. Для культурной истории трехмерного пространства фундаментальным фактом является то, что оно рождается в ходе «изобретения перспективы», т. е. благодаря попыткам его графической репрезентации в двухмерном пространстве, являясь как бы минимальным образом многомерности, образованной пересечением прямых линий и доступной изображению в зрительном плоскостном пространстве. Именно отсюда его способность к сворачиванию-разворачиванию, так что, то пространство, которое нам кажется единственно реальным, на самом деле является крайне неустойчивой формой, сложным конструктом, в котором очень часто его более элементарные составляющие берут верх. Очень часто поэтому, апеллируя к евклидову пространству, мы на деле пользуемся его сокращенными формулами.

В конкретном исследовании пространства, где основной задачей становится выбор метода, особый интерес для психолога представляют произведения искусства, в том числе и живописные полотна, поскольку они позволяют определить, каким образом в развитии современной культуры происходило изменение представления человека о пространстве. Конечно, возможности передачи пространственных отношений на живописном полотне связаны в первую очередь с техническими приемами передачи перспективы. По свидетельству Дэниел-Генри Канвейлер, Пикассо по этому поводу замечал «На картинах Рафаэля нельзя узнать расстояние между кончиком носа и ртом, а мне хотелось бы рисовать такие картины, где это было бы возможно» [1].

В вопросе о выборе методов мы руководствуемся положением, в соответствии с которым, визуальное пространство организовано плоскостным фоном, и трехмерным его делают мобилизация опыта других чувств и рационализация. Экспериментальное исследование в таких случаях традиционно предусматривало рассмотрение различных иллюзий восприятия, однако внешняя валидность таких исследований, как уже было показано выше, оставляет желать лучшего. Причину этого очевидна - при всей легкости фиксации иллюзии, она не несет в себе

никакой смысловой нагрузки, и имеет целью выявить свойства "чистого" восприятия пространства, которое, будучи обнаружено, тот же подлежит разыменованию в качестве именно "человеческого" восприятия.

Таким образом, становится очевидным, что материалом для исследования пространства, которое, имея выход в свои "объективные" измерения, требуется такой материал, который кроме "иллюзий" объема, имеет еще и солидную смысловую нагрузку. Очевидно, что такие продукты человеческой деятельности, которые, предусматривая решение человеком пространственной задачи (реконструкции пространства в котором человек мог бы действовать, или следить за действием), становились бы источником смысла, существуют и представляют собой весьма значительную часть нашей повседневной жизни. Последнее замечание подчеркивает как высокую внешнюю валидность предполагаемого исследования, так и его практическую значимость и в области "производства" произведений искусства, так в сфере их "потребления". Выбор в качестве объекта исследования плоских изображений требует специального рассмотрения их потенциала как объектов реконструкции.

Литература

1. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. - М., Прометей. 1994.
2. Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. - М., 2004.
3. Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства в 2-х тт. - Т.1. 1901-1914 гг.-437 с.
4. Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства в 2-х тт. - Т.2. 19018-1938 гг.-379с.
5. Колосов Н. Е. Как думают историки. - М.: Новое литературное обозрение, - 2002. - 384 с. (70)
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. - СПб, 1999. (96)
7. Пиаже Ж. Природа интеллекта // Познавательные психические процессы / Сост. и общ. редакция А.Г. Маркова. - СПб.: Питер, 2001. - С. 420-434.
8. Челпанов Г.И. Психология познания / Психология. Философия. Образование. - М.: Московский психологосоциальный институт; Воронеж. Издательство НПО «МОДЭК», 1999. - С. 9-252. (152)